

Валерий Бондарев

Жизнь на рубеже тысячелетий

16+

Валерий Бондарев

Жизнь на рубеже тысячелетий

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бондарев В. П.

Жизнь на рубеже тысячелетий / В. П. Бондарев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-96082-4

В книге рассказывается о жизни людей послевоенного поколения: их становлении, любви, отношениях с другими людьми и ко всему тому, что окружает их. Прекрасному и ужасному. Может быть интересна как людям, прожившим жизнь в СССР, так и молодежи, вступающей в то новое и неизведанное, что ждет всех нас. Никого и ничему не учит и ничего никому не навязывает. Хотелось бы верить, что эта книга - рассказ о жизни моего поколения.

ISBN 978-5-532-96082-4

© Бондарев В. П., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Небольшие рассказы о моей юности	5
Не было удачи, да неудача помогла	5
Мальчик в белом свитере	6
Давиды и Голиафы	7
Глава 2. Вся жизнь – борьба!	9
За что боролся?!	9
Белая ворона	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Валерий Бондарев

Жизнь на рубеже тысячелетий

Глава 1. Небольшие рассказы о моей юности

Не было удачи, да неудача помогла

Долгое время я думал, что 1 августа 1966 года самый неудачный день в моей жизни.

В этот день я плохо сдал первый из пяти вступительных экзаменов в МАИ. В итоге недополученный балл на этом экзамене не дал мне возможность поступить на дневной факультет. Пришлось 6 лет учиться на инженера в МВТУ им. Баумана на вечернем отделении, что было весьма непросто. Но, как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. За эти годы я понял, что инженерная профессия не для меня, а понять, что мне подойдет, удалось только к окончанию Вуза. Не знаю, что повлияло на тот мой выбор, о котором я никогда не жалел, но за полгода до защиты дипломной работы мне стал сниться мой первый урок в роли учителя. Причем каждую ночь. Почему? Не знаю. Правда, за несколько лет до этого я вел занятия исторического кружка для младших школьников в своей школе. Потом 1 год работал лаборантом в другой школе и иногда заменял заболевших учителей. Может быть, повлиял совет бывшей и очень уважаемой мной учительницы, не знаю. Наверно, все вместе взятое. Одно хорошо, отрабатывать 3 года по распределению мне не надо было, а учителей математики в школе всегда не хватало. И я стал учителем математики.

Рекомендация моей учительницы помогла (она в то время была уже заведующей РОНО). С тех прошло почти полвека, но я помню подробно события тех лет. И как же хорошо, что я совершил в тот счастливый (а не неудачный) день ту злополучную ошибку. Кстати, как раз по математике.

Мальчик в белом свитере

Очень хорошо помню тот январский вечер 1966 года. Малинский подмосковный дом культуры стал для меня тогда одним из первых мест, где надо было выступить перед местной аудиторией с песнями Арно Бабаджаняна (из репертуара Муслима Магомаева). Наша группа одиннадцатиклассников Тимирязевского района Москвы приехала в так называемый зимний лагерь комсомольского актива. Были у нас какие – то политзанятия, но был запланирован нашими руководителями и концерт для местных жителей. Я тогда неплохо пел, об этом наши руководители знали, попросили меня спеть, я не отказался. Самому хотелось. Одна была проблема – в чем выступать, вид у меня был весьма непрезентабельный. Не с чего было, жили мы весьма средне. Да и предложение было неожиданным. И вдруг один из наших ребят почти перед началом концерта предлагает мне поменяться с ним свитерами. А у него был красивый белый свитер и размер у нас был один. Он не выступал, и я очень обрадовался этому предложению. Внешний вид всегда играет важную роль, а для артиста вдвойне. Мы поменялись, и вдохновение нахлынуло необыкновенное. И это не замедлило сказаться на выступлении.

Первую песню в минорных тонах я спел хорошо, зал поаплодировал и меня понесло. Вторая песня была написана автором в ритме модного тогда твиста, что уже было определенным вызовом для того времени. Я пою, пока все хорошо, но при переходе ко второму куплету понимаю, что в порыве эмоций забыл начало второго куплета. Что оставалось делать? Танцевать твист на сцене, как – будто так и было задумано, и стараться вспомнить слова. Так я и сделал. Что было в зале – трудно описать. Наверное, на концертах «Битлз» было подобное. Краем глаза я видел, что нашей партийно-комсомольской руководительнице будет плохо. Когда я допел и дотанцевал, был обвал, грохот; в общем, полный успех.

Но и это было еще не все. Меня, как и всех ребят, в этот вечер ждал еще один весьма неожиданный и не совсем приятный подарок. Оказалось, что местная молодежь, которая и составляла большинство зала, подготовилась к нашему концерту. Причем, весьма своеобразно. Жили мы в помещении освобожденного для нас местного интерната, который был на краю поселка. И когда стали подходить к нему, нас встретила группа довольно агрессивных парней, которая почти сразу стала бить тех, кто шел впереди. Били они, кстати, наших комсомольских лидеров, и когда подошла и вторая группа наших ребят, мы не сразу даже и поняли в чем дело, за что и почему нас бьют, но бросились защищать своих. И вот тут наступил апофеоз моей славы. Драться я умел, такое время было, поэтому кому – то из местных сразу досталось, я ожидал получить сдачу, но услышал чей-то крик «Мальчика в свитере не бить». Это дал команду кто-то из местных отцов-командиров. В меня вцепились, держали и не били, но и драться не дали. Слава Богу, что все быстро закончилось, видимо хулиганы поняли, что москвичи тоже кое-что в боксе понимают.

Так закончился тот вечер полного моего «триумфа». Кстати, за танец на сцене меня ругать не стали, хотя в то время на вечерах твист на школьных вечерах был под запретом. А белые свитеры я люблю до сих пор.

Давиды и Голиафы

Много лет назад обсуждая с друзьями итоги очередной сданной нами экзаменационной сессии, мне пришла в голову мысль – написать об этом весьма непростом деле рассказ. Тогда руки до этого не дошли. Много с тех пор воды утекло, но желание рассказать о тех событиях осталось.

Учились мы в конце 60-х – начале 70-х годов в МВТУ им. Баумана. Учились и работали, но скидок нам по этому поводу в институте никто из преподавателей не делал. К старшим курсам многие из нас поняли, что профессию выбрали неверно. Почему? Причины разные, но не для обсуждения в этом рассказе. Но этот факт очень сильно повлиял на наше отношение к учебе. Главная задача теперь стала любой ценой сдать зачет или экзамен, оценка, как результат, роли не играла. Только бы получить зачет (а их каждый семестр было от 4-х до 7). Тогда ты получал право на оплаченный небольшой отпуск для сдачи экзаменов (тоже от 4 до 5). Мы, "вечерники" очень за такие отпуска бились. Без них сдать экзаменационную сессию без потерь не было никакой возможности. И вот в декабре и мае 6 лет подряд наступал первый этап боев студентов-"легковесов" (пользуясь боксерской терминологией) с "тяжеловесами"-преподавателями. Самые серьезные бойцы – «Голиафы»-профессора, обычно на прием зачетов не разменивались. Вперед здесь выступали недавние студенты – молодые преподаватели. У них почти всегда зачет получить было не очень сложно, они иногда даже входили в наше положение и условный бой заканчивался в пользу нас – «Давидов». Радоваться было конечно рано – все было впереди, наши кафедральные "Голиафы" тоже ждали своего времени, чтобы отыграться на нас по полной программе.

Серьезно подготовиться к экзамену было очень непросто: все мы работали и в процессе учебы не всегда могли посещать все лекции, семинары. Выучить же за 2-3 дня до экзамена материал целого учебника, притом подчас очень сложного, в полном объеме не представлялось возможным. Готовились мы все по-разному, кто шпаргалки писал, кто учебник резал для изготовления шпаргалок, кто просто с конспекта лекций на экзамене планировал списывать. А кто-то даже учебник приносил на экзамен. Пронесет, если повезет. В общем, каждый "Давид" свою пращу готовил сам. Понятно, что все мы должны были изучить своего будущего "Голиафа", чтобы выйти из боя с минимальными потерями. Цель уйти с экзамена без "хвоста", с 3-мя "хвостами отчисляли безжалостно, даже с 5 курса. А в армию идти на 3 года не хотелось, потом восстанавливаться, только к 27 – 30 годам будешь с дипломом. Если будешь?!

На всю жизнь запомнил свой самый тяжелый бой с одним из профессоров – «Голиафом». Он меня невзлюбил еще за год до этого экзамена, в предыдущем триместре оставил меня с "хвостом", который потом помог ликвидировать ассистент кафедры. Он вел у нас по данному предмету семинары и имел право принять у меня передачу. И вот подошел срок расплаты и тот же "Голиаф" не только сам не принял у меня зачет, но и своего нового ассистента предупредил о том, что меня надо выставить из института, экзамена не принимать. Даже от группы этого не скрывал. Идти жаловаться, к кому-то обращаться было бессмысленно. В последний момент я чудом сдал зачет по новому предмету сжалившемуся ассистенту, который за 2 месяца до этого принял у меня старый «хвост». Через 2 недели я пошел сдавать злополучный экзамен моему старому «врагу» – «Голиафу». Слыл он самым жестоким педагогом, не знающим жалости, и очень злопамятным. Надо сказать, что в те далекие времена ни подкупить, ни напугать никого из профессоров было невозможно. По крайней мере, я об этом никогда не слышал и никому из нас это и в голову не приходило.

У меня были подробные шпаргалки по всем вопросам предмета, в материале я тоже тогда неплохо разобрался. Было понятно, что, если профессор «Голиаф» захочет затоптать, уничтожить студента «Давида», он это все равно сделает с легкостью. Я шел почти на верную

«смерть». Но надо всегда рассчитывать на лучшее! И готовиться к нему, приближать победу. В роли моей пращи, как у Давида, была большая и плотная повязка на левой руке, висящей на перевязи. Я был, как раненый боец, идущий на амбразуру. В повязке под бинтом были шпоры. Взяв билет, я сел на первую парту, прямо перед "Голиафом" и не спеша, у него на глазах, списал весь необходимый материал. Записи шпаргалки были видны мне через бинт, но стороны заметны не были. Закончив работу, я стал ждать счастливый случай, которого просто не должно было быть. Но, в хорошее будущее надо всегда верить до конца.

И счастье снова улыбнулось мне. Оно явилось в лице все того же ассистента – моего спасителя в прошлом учебном году. Он вошел в аудиторию со словами, обращенными к моим будущим палачам, не надо ли им помочь принять у студентов экзамен. Те, естественно согласились, никому не хочется сидеть до вечера, а тут добровольный помощник. На вопрос ассистента, о том, кто готов отвечать, само собой меня никто опередить не смог. Предупреждать моего спасителя, что меня надо завалить, «Голиафы» не стали. Это было бы слишком. Я сдал ему экзамен на "4" и, не веря своему счастью, вышел из аудитории и стал обсуждать происшедшее со своим другом, ждавшим меня. Вслед за мной из аудитории вышел покурить и мой "Голиаф".

Много лет прошло, но я помню то чувство победы, которое меня обуревало. Я знал, что с этим «Голиафом» я уже не встречу на экзамене, и медленно у него на глазах развязал и снял повязку с руки. Помню выражение его лица. Мне даже жалко его стало... Полвека я работаю в образовании, но тот день запомнил на всю жизнь.

Я никогда в своей работе потом не стремился ни на минуту стать "Голиафом" и поставить своих учеников в позицию "Давидов". А мой тогдашний спаситель стал заведовать той кафедрой, которую в разное время мы с ним закончили.

Глава 2. Вся жизнь – борьба!

За что боролся?!

За окном дождь.

Он идет уже не один день и мне кажется, что ничего кроме него больше быть не может и не будет никогда.

В такую погоду почему-то чаще в голову приходят мысли о бренности всего сущего, о том, зачем ты живешь, и что вообще представляешь собой на этом свете. Как говорится, интеллигентские прибаамбасы, вой стареющего и не желающего поддаваться этому неизбежному процессу мужчины 50-ти с гаком лет. В голову все чаще приходят мысли: а все ли было в твоей жизни так, как хотелось, как мечталось в те далекие 16-17, на аллеях зимнего Тимирязевского парка, вместе с закадычным другом, Сашей. Прошло 40 лет, забылись детали наших дискуссий, споров, рассуждений о жизни вообще и своем будущем в частности, но главное все – таки осталось – убежденность, что жизнь будет прожита не зря, будет интересна, счастлива и, что самое главное, твои успехи обязательно будут неотделимы от достижений твоей Родины. Прямо по Николаю Островскому: “ Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно ...”. Причем говорили мы это друг другу один на один, не на собраниях и митингах, говорили от души, как думали, как чувствовали. Самое теперь для меня, человека, много лет занимающегося проблемой выбора жизненного и профессионального пути молодежью, интересное то, что для нас тогда кем мы будем, как сложится, как сейчас говорят карьера, было почти неважно, мы об этом даже не задумывались.

Говорили о любви, обсуждали достоинства и недостатки своих подруг, мечтали, что вот наступит тот день, когда ты ее, одну единственную встретишь и ...

Нельзя сказать, что были совсем уж мечтателями – бессребрениками. К тому времени и я, и Саша на себе, как большинство семей одноклассников, ощутили “сиротство, как блаженство” и надеялись, что так, как наши родители, бедно жить уже не будем. Но о многом в этом плане и не мечталось. Зарплата в 250-300 р. казалось уже немалой. Но с будущей профессией это совсем или почти совсем как-то не связывалось. Что это было: наивность, глупость, незнание жизни или еще что-то, теперь уже и трудно вспомнить и до конца понять, да, наверное, и не главное все это, в конце концов. Наверное, всего понемногу. Однако прошли годы, уже очень многое позади, а отношение к деньгам, как к средству, необходимому для более – менее устроенной жизни, а не как к цели, единственной и желанной, осталось теперь уже на всю оставшуюся. Хорошо это или плохо? Для кого как, судить других не берусь, мне их, рублей, или сейчас “У.Е.”, кровно заработанных, как-то всегда хватало. Вот, правда, не всех моих жен это устраивало. Но не об этом речь.

“Выстроить” свою жизнь, как по лекалу, раскрытому родителями, педагогами или еще кем-либо, редко кому удается, да и счастлив ли тот, чья жизнь устроена по чужому, пусть и идеальному, образцу? Наверное, да, хотя такие люди лично мне не встречались. Безусловно, на свете есть те, кому необходимо постоянно опираться на чье – либо плечо, существовать, не принимая самостоятельно решений ни по одному более – менее важному поводу. Но я к таким людям себя никогда не относил. Так сложилась жизнь, что уже в юности я был уверен, что буду добиваться всего сам, помощь, если у кого – либо, и попрошу, то только у близких людей и только в самом крайнем случае. Жалеть о таком решении не пришлось, хотя и попав однажды в “партийные” жернова еле – еле из них выбрался. Много лет прошло с того времени, но до сих пор задаю себе вопрос: правильно ли тогда поступил, не покривил ли душой, не струсил ли?

За долгие годы прошел внутренний, психологический путь от романтика, верящего в искренность человеческих отношений, до прагматика – реалиста, знающего цену клятвам и заклинаниям, как властных структур, так и просто всех своих окружающих. Давно доверяю только самым родным, проверенным годами и совместными испытаниями, людям. Казалось бы, романтические шоры давно с глаз моих упали, но все равно и теперь задаю себе тот же вопрос, что и почти 20 лет назад: “Прав ли был тогда, на том партийном судилище?”.

Как сейчас помню тот разговор в кабинете директора оборонного НИИ, знаменитого в те годы штатского генерала. В этом институте мне пришлось числиться по штату и состоять на партучете (как тогда говорили быть “подснежником”). С этого разговора, закончившимся открытым столкновением, все и началось.

В советское время “подснежников” было немало, и, если их брали на работу, то подразумевалось, что это необходимо для каких-то целей, подчас невидимых для внешнего глаза. Так и в моем случае. До поры, до времени все было нормально. Все было бы и дальше, наверное, хорошо, если бы знал этот человек мой характер и пошел бы на компромисс со мной в том вопросе, который и слишком принципиальным назвать нельзя. Причем и тогда я это понимал. Но очень уж обидно стало. Отнесся этот директор с его подсказчиками ко мне, как к мальчишке. Приняв закулисное решение, не то, что не посоветовались, даже в известность о том, что собрались сделать, причем не столько со мной, сколько с делом моим, за которым судьбы других людей стояли, не поставили. Это я потом понял, что с “подснежниками” они так всегда работали и, по-другому ту ситуацию даже и не рассматривали. Тем более имея, на всякий случай, ах, как он им подвернулся удачно тот “компромат” на меня. “Компромат” – коллективная ложь, написанная одной и подписанная еще несколькими моими сотрудницами, прекрасно знающими об этом. До сих пор не знаю – сами они до этого додумались или кто надоумил написать, пока я был в отпуске, в конечном итоге и не очень это было важно. И тогда, и теперь меня это волновало только вначале, когда я об этом узнал. О подлости человеческой, о предательстве мне уже было неплохо известно, причем не понаслышке. Хорошего моего старшего друга примерно в то же время и примерно также начали травить и довели-таки до третьего инфаркта.

Однако их наветы были мне смешны, заведомая ложь была ясна, и я был убежден, что она видна будет всем, кто захочет в этом разобраться. И вот здесь и началось самое интересное. Это сейчас, через много лет смотрю я на то, что тогда произошло, с внутренней усмешкой. А в то время было совсем не до смеха.

Как-то очень быстро, почти для меня незаметно, все окружающие, и имеющие какое – либо отношение к той ситуации поделились на 3 лагеря: клеветников, злопыхателей (про них было все относительно ясно); сочувствующих мне друзей и просто честных и объективно оценивающих то, что произошло людей, и созерцателей, которых как всегда было больше всего и которые, по привычке, впитанной видимо с молоком матери, считали, что лучше ни во что не вмешиваться – целее будешь. Сколько бы лет не прошло с тех пор навсегда запомню порядочность и смелость людей, вставших рядом в то трудное время. Давно простил тех, кто предал и ударил в спину, никакой пользы для себя они не извлекли и практически все, в той или иной степени, расплатились за ту подлость. Труднее мне, оказалось, жить потом рядом с теми, кто тогда мог бы встать рядом, да не встал, просто смолчал, когда можно и нужно было высказать свою объективную точку зрения. Просто сказать публично, что все, что написано в доносе – ложь, а те, кто её написал – лжецы. Увы, далеко не у всех нашлось для этого поступка мужество. Видимо сидящий в подкорке, в подсознании нашем, страх парализует волю именно в тот момент, когда надо дать отпор всякой нечисти. Я не судья этим людям, некоторые из них до сих пор мои хорошие знакомые. Да и как я могу судить их за молчание, за уход от поддержки в той ситуации, когда сам не смог по – настоящему ответить обидчикам, так называемым судьям, решавших мою судьбу. Бывает, наверное, в жизни каждого человека момент истины, когда он

должен в течение одного дня, иногда часа, а иногда и мгновения, принять решение, от которого будет зависеть потом вся его жизнь, репутация, профессиональное будущее, как сейчас говорят – карьера. В какой момент это происходит сам человек не всегда сразу и понимает. Иногда жизнь проживает, а так и не понимает, где и когда он сам себе потерял или нашел. У бывших фронтовиков эти мгновения чаще всего пришлись на войну, поэтому они и вспоминают её так часто и скорее со светлыми чувствами, хотя крови и ужасов там было вдоволь. Но там было ясно: вот впереди враг – или ты его, или он тебя.

Наверное, не все и там было так просто, но в открытом бою враг виднее.

А мне тогда надо было сделать выбор. Можно было поставить крест на той самой проклятой, но очень мне тогда казавшейся важной, карьере, рассказав всем и вся то, о чем знало всего несколько человек, присутствовавших на разговоре – моем разносе в директорском кабинете НИИ. Можно было смолчать о нем и попытаться оправдаться перед обвинениями, доказать всем то, что для меня было очевидно. Но, как оказалось, тем, чьими руками меня пытались поставить на место – людям, которым моя “подснежниковая”, если так можно выразиться, а для этой организации просто непрофильная деятельность была непонятна, да и неинтересна; доказать за те 5 минут, что мне дали на объяснения, было просто ничего нельзя. Это прекрасно знали те партийные функционеры, кто подготовил эту расправу. Кстати, они очень неплохо всегда разбирались не столько в людях, сколько в их слабостях, низменных страстях, чаще всего точно знали на какие слабые струны человека надо нажать. Подозреваю, что и меня они к тому моменту успели изучить, и почти уверены были, что смолчу про то, что знал о готовящейся расправе задолго до неё, что не расскажу никому публично, как мне в лицо было сказано: “Ты забыл, где ты числишься и на партучете стоишь. Чем ты там занимаешься нам наплевать, а вот за то, что ты посмел нам помешать, ты ответишь. Тем более у нас на тебя “сигнал” есть”.

Они прекрасно понимали, что выбор мой в тот момент был почти очевиден: попытаться оправдаться (хотя и понимал я, что вряд ли удастся это). Ставить под очевидный удар профессиональную карьеру, которая тогда в моей довольно новой и специфической еще сфере, считалась весьма успешной, было, как мне казалось, нельзя. Близкая защита диссертации и связанная с ней возможность заниматься тем делом, к которому довольно уверенно шел все последние годы, поставили меня в ситуацию почти безвыходную. Кстати и перспектива неплохой зарплаты тоже играла немаловажную роль.

И все-таки выбор был! А я смолчал. Попытку доказать, что ты не верблюд нельзя считать оправданием. Ни перед собой, ни перед людьми. Понял я это не сразу, а несколько позже, когда через несколько лет ценой невероятных усилий получил диплом кандидата наук, держал в руках свою книгу, вышедшую для того времени немалым тиражом и почти сразу раскупленную.

Причем усилий скорее психологических, чем профессиональных. Приходилось доказывать уже новым коллегам по работе, еще не знающим тебя, что ты не человек с клеймом. Сегодня тем, кто не жил в то время, трудно представить себе, как было непросто работать с вынесенным где-то и когда-то партийным выговором. Подразумевалось, что ни за что у нас не наказывают. 37 год у многих в памяти, даже, если они и не жили в то время.

Прошли годы, и взыскание, вынесенное мне по партийной линии за придуманные кем-то грехи, было снято. И должность, и зарплата тоже уже соответствовали когда-то намеченным планам. При этом как-то так совпало, что все это “счастье” свалилось на меня почти одновременно. А счастья-то и не было! Была только невероятная душевная боль, пустота и мысль о том, что жизнь закончена, и дальше жить не стоит.

Спасением моим оказалось то, что я, наконец, понял, что жизнь не состоит только из одной работы, а моя дочь была для меня не менее, но, может быть, и тогда, да и ранее, уже более важной составляющей бытия, чем профессиональная деятельность. Заботы о ней, её взросление стали на годы спасением для души, тем бальзамом, который затянул те раны.

Прошли годы, выросла и стала самостоятельной и, по-моему, довольно самодостаточной, дочь, но та же мысль продолжает временами будоражить душу: а что было бы, если бы в тот день и час я сказал им всем всё, что о них думаю?

К финишу приближается моя профессиональная деятельность, хотя он может быть и весьма далек. Ну, тут уж, как Бог даст. Попытки найти ответ на периодически мучающий вопрос приводят к мысли, что все на свете имеет свой, далеко не всегда доступный человеку, смысл. Что все, что не делается – все к лучшему. Психологически себя защитить, успокоить, за долгие годы я научился. А за окном снова пошел дождь.

Белая ворона

1 марта. Вчера, возвращаясь с работы, увидел в стае воробьев странного белого, даже не очень-то и на воробья похожего, самца. Как будто белой пудрой обсыпанные перья, почти не виден «галстучек», и при всей его не похожести на остальных птичек – невеличек, что-то неуловимо оригинальное, необычное было во всем его облике. Шумная стайка как всегда деловито перелетала с места на место в поисках корма, но воробей – альбинос был в ней явно случаен. На птицу, безусловно, обращали внимание все сотрапезники, и было заметно, что корм ему явно достается в гораздо большей борьбе, чем другим. Почти каждая крошка доставалась с боем, писку было столько, что даже некоторые прохожие останавливались и смотрели на воробьиные бои. Несколько человек спросили – не знаю ли я, что это за птичка? Узнав, что это воробей – альбинос, некоторое время с любопытством наблюдали за ним. Но, увы, крошки, которыми кормились птицы, закончились, и стайка переместилась на какое – то новое, только им известное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.